

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДУХА И ВЛАСТИ: НЕМЕЦКИЕ ПИСАТЕЛИ В ГОДЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Проблема противостояния духа и власти является актуальной во все времена, независимо от того, в каких условиях она проявляется. В этом смысле особый интерес представляет рассмотрение этой проблемы применительно к экстремальным условиям времен Третьего рейха, ибо здесь с особой силой проявилось не только искусство открытого выражения протеста, причем без каких-либо опасных последствий, но и сама специфика взаимоотношений духа и власти.

Противостояние противостоянию рознь. Одно дело, когда власти противостоят действительные противники национал-социализма, не приемля всего комплекса его политических и идеологических идей и способов их реализации, другое дело – противостояние обойденных или прежних союзников национал-социализма, не разделяющих отдельных компонентов программы этого политического движения. При том, что в общей борьбе против национал-социализма обе эти силы – *volens nolens* – сходятся, методы их борьбы значительно разнятся, в связи с чем возникает обширное поле для толкования значимости действий этих сил, что и подтвердилось после 1945 г. во время громкой дискуссии о литературе так называемой «внутренней эмиграции», авторы которой выдавали себя, без особых на то оснований, за борцов с нацизмом.

«Так называемость» «внутренней эмиграции» обуславливалась предельным различием претензий ее авторов к нацистскому режиму, и поэтому здесь соседствовали кондовые консерваторы фёлькиш-национального, т. е. псевдо-«народнического», толка вроде Ганса Гримма, порицавшие партию за то, что она потеряла чистоту национал-социалистской идеи и сделала ставку на массы, а не на духовную элиту, и носители традиций классиков XIX в. Ганс Каросса и Герхард Гауптман, позволившие нацистам, не разделяя

их идеологии, использовать себя в пропагандистских целях, надеясь тем самым хоть как-то поддержать эти традиции в изменившихся условиях; в этих же кругах обретались блестящие стилисты, приверженцы высокой поэзии Вильгельм Леман, Оскар Лёрке, не скрывавшие своего неприятия нацистской идеологии и по-своему пытавшиеся ей противостоять, и Стефан Андрес, Вернер Бергенгрюн, Райнхольд Шнайдер, Рикарда Хух, стремившиеся через призму прошлого критиковать нацистский режим, и Хорст Ланге, Фридо Лампе, Вольфганг Кёппен, чье творчество, питавшееся наследием модернистов, было намеренным противопоставлением эстетике нацистов, и Гюнтер Айх, Петер Хухель, Мартин Рашке, намеренно игнорировавшие нацистскую действительность, и такие маргиналы от литературы, как Вальтер фон Моло, Франк Тисс, которые ради возможности публиковаться охотно шли на любые контакты с властями, а после 1945 г. объявили себя «внутренними эмигрантами» и всячески поносили Томаса Манна, бросившего, как они считали, страну и народ в минуту бедствий; но здесь были и авторы откровенно пронацистской направленности вроде Ганса Фридриха Блунка, и некоторые новообращенцы вроде Готфрида Бенна и Эрнста Юнгера, увидевших в национал-социализме возможное воплощение своих идей: один – рождение нового человека, другой – создание чуть ли не галактического чисто военного государства.

Весь этот конгломерат претензий к нацистскому режиму постоянно трансформировался, переходил из одной формы в другую, сливаясь частично или полностью с полярными притязаниями различных групп и группок, дробясь на мелкие парцеллы или объединяясь, независимо от личных неприязней, в некие иллюзорные союзы. Это литературное броуновское движение определялось не столько литературными надобностями, сколько политическими, общественными и военными проявлениями Третьего рейха.

Вот любопытное свидетельство Райнхольда Шнайдера, одного из многих авторов, чья протестная деятельность имела действительно активный характер: «Даже те люди, которых я очень высоко ценил, увидели, хотя они осуждали идеологию и методы нацистов, возможность подъема рейха. Антимилитаристы, которые, как и я, меньше всего могли обращаться с оружием, радовались по поводу занятия Парижа. Критически настроенные исследователи истории предрекали возникновение германского всемирного рейха. Противники нацистской системы, тяжело страдавшие от нее, обсуждали уже планы разрушения Лондона. В добропорядочных бюргерских семьях, при свете лампы, занимаясь вязаньем чулок, с радостью воспринимали сообщение о потоплении английского судна и гибели всей команды, с удовлетворением констатировали бомбардировку какого-то города, и с горечью реагировали на проявления сопротивления в Польше, Норвегии и Греции. Концлагерей не должно быть, и потому их и не было...» (цит. по: [1]).

Реальная действительность, как бы к ней ни относились авторы «внутренней эмиграции», являлась тем оселком, на котором проявлялась сущность их протестных интенций. Литература, в каких бы формах она ни возникала, становилась замещением того, о чем нельзя было открыто высказаться, не опасаясь подвергнуться гонениям или физическому уничтожению. В этой связи не приходится говорить о каком-то масштабном и значимом Сопротивлении с большой буквы. Это было не Сопротивление, а попытка сохранить собственное достоинство в неприемлемых условиях социального и политического бытования с элементами пасторского увещания властителей и ободрения страждущей паствы.

К тому же подавляющее большинство буржуазной интеллигенции консервативного толка первоначально восприняло захват власти в Германии национал-социалистами как событие национального масштаба, должное, по их мнению, покончить с ненавистной им Веймарской республикой, и поэтому, в ожидании установления стабильности как в политике, так и в культуре, это большинство заняло по отношению к новым властителям снисходительно-выжидательную позицию, не чураясь общения с ними, но и не скрывая своих притязаний на главенствующую роль в духовной области.

Однако события 30 июня 1934 г., связанные с кровавым подавлением «путча Рёма», остудили революционный пыл консервативной интеллигенции, зародив в них стремление каким-либо образом противостоять нацистскому режиму, но и только. Вскоре стало ясно, что даже в сугубо профессиональной деятельности нацисты не потерпят своеволия, как это подтвердилось с книгой знаменитого историка Рикарды Хух, «первой женщины Германии», как называл ее Т. Манн [2, с. 174]. Мало того, что она открыто заявила о своем выходе из состава «почищенной от инородцев» Академии искусств, так она еще и опубликовала в 1934 г. книгу «Римский рейх немецкой нации» («Römisches Reich Deutscher Nation»), в которой позволила себе рассматривать через призму давних времен основополагающие аспекты идеологии национал-социализма, и прежде всего так называемый «еврейский вопрос», посвятив ему двенадцать страниц. Но каких!

Для того, чтобы получить некоторое представление о случившемся, приведу только один абзац из этой главы, который, как и все прочие абзацы, в своей исторической конкретике, лишенный какого-либо пафоса, передает события, которые оказались в противоречии с временами Третьего рейха: «Понятно, что папы (речь идет о XII в. – Е. 3.) всегда говорили о евреях резко отрицательно как о врагах христианской веры, но это не мешало им во время преследования евреев решительно вступаться за них, как не мешало им, хотя и в меньшей степени, чем всем остальным князьям Церкви, вступать с ними в денежные отношения... Так же, как и папы, но еще в большей мере, показывали пример терпения гогенштауфенские кайзеры... Строгие штрафы грозили тем, кто намеревался напасть на еврея; тот, кто его ранит, тому отрубали руку; тот, кто его убьет, того тоже должно убить...» [3, с. 110–111].

Понятно, что официальные власти не могли закрыть глаза на столь явное проявление вольнодумства, и Хух подверглась резкой критике. Ее обвинили в том, что вся книга «является оскорблением немецкого чувства собственного достоинства» и прямо заявили о том, что ей не место «в Германии Адольфа Гитлера». Правда, учитывая мировую известность Хух, особенно в Италии, где высоко ценили ее работы о Гарибальди, угроза так и осталась угрозой. С итальянцами нацисты не хотели ссориться.

Зато с коллегой по цеху, историком Рудольфом Тиле обошлись довольно круто за то, что он опубликовал в 1936 г. в журнале «Иннере рейх» статью «Фридрих Великий», в которой на основании анализа исторических документов усомнился в том, «почему, собственно, его называют великим», имея в виду неординарную, импульсивную манеру руководства Фридриха, его лишенный государственного мышления подход к решению важнейших проблем [4, с. 269]. Журнал был на какое-то время запрещен, нераспроданные экземпляры конфискованы гестапо, а Тиль как историк надолго замолчал.

Последующие события, особенно так называемая «хрустальная ночь» («Kristallnacht») с 9 на 10 ноября 1938 г., отмеченная еврейскими погромами, прокатившимся по всей Германии, только укрепили дистанцирование значительной части интеллигенции, а творческой в особенности, от официальной власти, породив в них диссидентские настроения.

Особую роль в литературных протестных акциях авторов «внутренней эмиграции» сыграли представители религиозно-консервативного лагеря. Специфика творчества авторов религиозной направленности основывалась на вере в Христа и на Божественном предопределении всего сущего, и поэтому категории рационального мышления для понимания сути возникновения национал-социализма ими не принимались в расчет. В условиях Третьего рейха подобное мироощущение позволяло этим авторам достаточно откровенно разрешать проблему зла и искушения, само положение верующего человека в предельно политизированном мире, прибегая к инскапозительным способам толкования реальной действительности. Политика как таковая выступала в их произведениях в религиозных одеждах, хотя сама политическая сущность мира не являлась предметом рассмотрения. Речь шла не о критике государственных установлений, ибо в сознании авторов религиозного направления мироустройство изначально определено Божественным Провидением, а о том, как это мироустройство подвергается нарушениям, в связи с чем наиболее явственно проявляются беды верующего человека, испытывающего на себе все тяготы «испорченного мира».

Правда, ощущая слабость своей позиции, некоторые из них, например, Стефан Андрес, сводят порой на нет действенность своего главного довода о Божественном предопределении всего сущего. В своей протестной новелле «Мы – утопия» («Wir sind Utopia», 1941) Андрес, говоря о том, что зло как таковое есть составная часть Царства Божьего, объясняет этот парадокс

тем, что «Господь любит другое, совсем Ему не свойственное – Он любит бездну, и Ему нужен... грех! Ибо мы – утопия Господа, но находящаяся в становлении!» [5, с. 249], т. е. построение Царства Божьего еще не закончено, и такие «огрехи», как нацистский режим, мол, дело обычное.

Свое неприятие нацистского режима авторы религиозной направленности с особой силой выражали в историческом романе, который стал едва ли не основным жанром протестной литературы как в Германии, так и за ее пределами. Как выразился С. Цвейг, «история стала писательницей» (цит. по: [6, с. 319]), а для авторов религиозной направленности, по словам Й. Клеппера, одного из зачинателей протестного жанра, «последним убежищем для бессильной оппозиции». С этими романами постоянно происходили обманные истории, и нацистским критикам всегда приходилось быть настороже, чтобы истолковать в нужном виде заложенный в них смысл, отчего часто по прошествии времени выяснялось, что тот или иной роман, провозглашенный нацистской критикой как произведение, отражающее идеологию национал-социализма, на проверку оказывался направленным именно против этой идеологии, или, по крайней мере, так воспринимался читателем, научившимся уже читать между строк. Именно это произошло с романом Вернера Бергенгруна (1892–1964) «Великий тиран и суд» («Der Großtyran und das Gericht», 1934).

Сюжет романа носит детективный характер. Во времена Возрождения в маленьком мифическом городе-государстве Кассано убит монах фра Агостино. Великий тиран требует, чтобы шеф полиции за три дня нашел убийц, в противном случае ему грозит смерть. Это требование тирана вызывает в городе серию интриг, взаимных подозрений и лжи. В итоге всех перипетий, допросов, напоминающих больше религиозные диспуты, чем выяснение подробностей преступления, великий тиран заявляет, что это он вынужден был убить фра Агостино, оказавшегося предателем, и совершил он этот поступок тайно, потому что открытый процесс над монахом повредил бы государственным интересам. Тем самым правитель города попытался проверить сердца своих подданных и поэтому просит подвергнуть его самого суду.

При всей искусственности нагромождения событий в этой череде моральных преступлений просматривается некое беллетризованное изложение религиозного восприятия человека как Божьего создания, чья жизнь пребывает в постоянном круговращении между грехом, покаянием и прощением, которые и определяют пределы его духовных возможностей в делах земных. В этом, собственно, и заключается особенность творчества Бергенгруна, стремившегося во всех своих произведениях создавать для своих героев пограничные ситуации, когда приходится выбирать между жизнью и смертью. Однако эти пограничные ситуации суть привилегия Бога, а не наместника Божьего на земле, и это обстоятельство вызывает гневную речь

священника дона Луки, направленную против своевластия тирана, возмнившего себя Господом Богом и пытавшегося играть судьбами людей, вводя их в искушение грехом: «Ты единственный грешил, жаждавший подняться над свойствами человеческими и жаждавший в одночасье стать Богом... Ты начал эту противную Господу игру не по нужде, а исключительно ради своей прихоти, чтобы наравне с Богом двигать судьбами людей и... ощущать себя всемирным Судией над ними. И теперь ты, светлейший, знаешь, что ты предстанешь перед Судом, хотя и не перед нашим низшим судом» [7, с. 187–188].

Столь тяжкие обвинения, брошенные в лицо великого тирана, да еще прилюдно, вкуче с обилием недвусмысленных отсылок к реалиям нацистской действительности, свидетельствуют, несомненно, о наличии в романе Бергенгруна протестных интенций. В этом смысле у читателей не возникало никаких сомнений. Неслучайно многие считали, что прототипом великого тирана писателю послужил Гитлер. Ведь, если внимательно присмотреться к тексту романа, то он буквально пестрит явными аллюзиями на личность нацистского диктатора: великий тиран, как и Гитлер, обладает неограниченной властью [7, с. 13], любим народом [7, с. 46]; он выскокка, отстранивший от власти представителей старых родов [7, с. 80]; у него нет семьи («власть требует одиночества» [7, с. 12]), нет детей [7, с. 86], в его окружении вообще отсутствуют женщины; он, как и Гитлер, питает «пристрастие к целесообразным постройкам» большого масштаба [7, с. 38], желает «окружить себя неким количеством твердых духом молодых людей, создав некий вид братского объединения и воспитывать каждого из них для необычной надобности» [7, с. 40], что явно напоминает создание орденских школ СС. Наличие подобных признаков образа Гитлера, постоянно подчеркиваемых в исторических романах нацистских авторов (например, в романах Г. Блунка «Король Гейзерих», «Вальтер фон Плеттенберг»), отметил и нацистский официоз «Фёлькишер беобахтер», приветствовав главного героя романа «Великий тиран и суд» как олицетворение правителя времен итальянского Ренессанса» [8, с. 12]. Более того, сам А. Розенберг, уполномоченный партии по надзору за мировоззрением немецкого народа, отозвался о книге Бергенгруна «с чрезвычайной теплотой» (цит. по: [9, с. 215]). Правда, в 1941–1942 гг. нацисты разобрались в протестных интенциях произведения Бергенгруна, и тот же Розенберг выступил с яростными нападками на роман и потребовал запретить его, однако у министерства пропаганды были свои резоны, и оно никак не отреагировало на его призывы.

Столь странная позиция ведомства Геббельса связана с явной амбивалентностью самой книги Бергенгруна: ее можно толковать двояко, да и сама манера повествования, способы общения великого тирана с жителями города говорят не столько о протестной составляющей романа, хотя она и присутствует в тексте, сколько о нападении об утраченном правопо-

рядке. Бергенгрун, как истинный католик, считает власть данной от Бога, и образ философствующего тирана предстает как стародавняя модель короля-философа времен Просвещения. Если разобраться, то город в романе выглядит как некая тихая обитель, где все проблемы решаются в процессе диалога тирана и жителей.

Именно эта благообразная картина пришлась как нельзя кстати для нацистов, если учесть, что страна еще не пришла в себя после кровавой резни, устроенной по личному приказу Гитлера в 1934 г. в его собственном лагере; отсюда и восторг, сопровождавший выход в свет романа Бергенгруна. Они явно усмотрели в нем оправдание этой бандитской акции, оправдание волевого решения фюрера, приказавшего расстрелять без суда и следствия не только руководство штурмовиков, но и ряд представителей вермахта, противников партии, поправ тем самым все мыслимые законы. Сам Гитлер настолько испугался содеянного, что десять дней не подавал признаков жизни (см.: [10, с. 396]). Нацистам импонировали сама постановка понимания расудительной власти, архаичный, не лишенный проповеднической окраски язык романа, размеренность повествования, весь исторический антураж, и, наконец, отсутствие каких-либо намеков, побуждающих к активному сопротивлению власти тирана. Неслучайно уже в наше время была высказана справедливая мысль о том, что роман Бергенгруна не имеет никакого отношения к литературе Сопротивления, ибо по сути является отражением «католической основополагающей структуры», согласно которой «содержание романа укладывается в категориальную систему искушения – вины – жертвы – покаяния – прощения и кары (в качестве Божественного акта)» (цит. по: [9, с. 217]).

Религиозная составляющая, а не дела мирские, определяет и фактуру романа «Великий тиран и суд». Именно поэтому он в принципе лишен исторической основы: это утопия такого же рода, как и роман Эрнста Юнгера «На мраморных скалах» (1939), утопия, открытая в ее интерпретации всем ветрам в силу отсутствия прямых исторических параллелей, или, как говорил сам Юнгер, «этот сапог подходит к каждой ноге» (цит. по: [9, с. 224]), отчего и понятен столь широкий разброс мнений о ней как во времена Третьего рейха, так и после его падения. Бергенгрун, сам того не желая, создал некое подобие мифа, который, как бы его ни интерпретировали, оказывается годным для любых целей, и в этом заключается его опасная амбивалентность. Он, если говорить о нацизме, как бы возвел это политическое движение в ранг необъяснимого земными понятиями явления, по крайней мере, дал нацистам повод так считать, хотя, конечно, у Бергенгруна и в мыслях этого не было. Отсюда понятно, почему ведомство Геббельса не отреагировало на истерические выкрики Розенберга по поводу «Великого тирана и суда», как впоследствии и на жалобы Бюлера, шефа Партийной комиссии по защите национал-социалистской письменности, по поводу такой же утопии Юн-

гера «На мраморных скалах». Отсюда понятно и то, почему к 1942 г. тираж романа Бергенгрюна достиг 182 тыс. экземпляров [11, с. 130], а Юнгера – 94 тыс. [11, с. 861], не считая издания в Швейцарии и переводов во Францию и Италию. Хотел того Бергенгрюн или нет, но, как справедливо заключил Ральф Шнелль, «там, где обвинения, выдвинутые против современности, связаны с повествовательной констатацией судьбы как природообразующей самостоятельной силы, там сразу же фашизм мистифицируется как простой исполнительный орган трансцендентального субъекта» [12, с. 128].

Если Бергенгрюн и ряд других авторов рассматривали в своих исторических романах проблему религиозного неприятия нацистского режима как некое явление антихриста, то Фридрих Рек-Маллецевен (1884–1945), обличая нацизм и в особенности Гитлера, обличал всю цивилизацию XX в., ибо все его гневные инвективы питались ненавистью феодала против заискивания массы. Ненависть его к нацистам вызвана разочарованием кондового консерватора в игнорировании ими идейных заветов «консервативной революции», к которой принадлежал и Э. Юнгер. «Консервативные революционеры» пытались руководить Гитлером, но он их не «послушался», отчего и происходит их ненависть к нацистам: у Юнгера – холодная, у Рек-Маллецевена – бурная.

В качестве сюжета для своего романа «Бокельсон. История перекрещенцев из Мюнстера» («Bockelson. Die Geschichte der Wiedertäufer von Münster», 1937) Рек-Маллецевен избрал события, связанные с теократическим режимом анабаптистов, «перекрещенцев», получившим название Мюнстерской коммуны (1532), увидев в них благодарный материал для проведения аналогий с нацистским режимом. Под влиянием демагогических призывов голландского портного Бокельсона простой люд Мюнстера избрал нового магистрата, разграбил церкви, сжег богопротивные книги, ввел общую собственность, отменил семью, отменил деньги, ввел трудовую повинность. Все это породило доносы, казни, разгул черни, голод (город находился в осаде), что и привело в 1534 г. к падению Мюнстерской коммуны. Писатель увидел в этом событии чуть ли не зеркальное отражение прихода к власти Гитлера и его партии: «перекрещенцы» – это те же нацисты, их новая религия сродни идеологии национал-социализма, а способы ее навязывания ничем не отличаются от brutальных действий нацистов. По сути, это не исторический роман, а роман-памфлет. Здесь слились воедино хронист времен Реформации (роман ведется от его лица) и хронист времен Третьего рейха, и ненависть, почти параноидальная, как к революционному прошлому, так и к нацизму и лично к Гитлеру пронизывает весь роман от начала до конца.

Как видно из дневника Рек-Маллецевена тех лет, закопанного им в саду и опубликованного только в 1947 г. под говорящим названием «Дневник отчаявшегося» («Tagebuch eines Verzweifelten»), эта ненависть происходила от бессилия, вызванная обманутыми ожиданиями фёлькиш-национально-

го консерватора, полагавшего, что с помощью нацистов можно повернуть историю вспять. Этот сплав бессилия и ненависти вызван еще и осознанием того, что история на поверку оказывается неотвратимой реальностью, повторяющейся из века в век. Почти с ужасом писатель фиксирует 11 августа 1936 г. в своем дневнике эту страшную цикличность истории: «Как сегодняшняя Германия, так и мюнстерское город-государство на годы полностью порывает с цивилизованным миром; как и нацистская Германия, путь этого города отмечен на долгие годы следованием от успеха к успеху... Как у нас, так и там имеется свихнувшийся, зачатый в сточной канаве ублюдок, выступающий как пророк; как у нас, никто ему... не оказал ни малейшего сопротивления; как и у нас... главной опорой этого режима являются истеричные бабы, отроду пришибленные школьные учителя, сбежавшие священники... и отщепенцы всех мастей... Как у нас Гитлер поступил во время путча Рёма, таким же образом в Мюнстере исполняет роль государственного палача Бокельсон... Так же, как и у нас, мюнстерский министр пропаганды Дузенчур, как и его великий коллега Геббельс, хромает; это можно считать шуткой, которой мировая история предвосхитила четыреста лет тому назад его явление... чего нам сегодня в судьбе жителей Мюнстера времен 1534 г. не хватает, так это того, что они, находясь в осажденном городе, с жадностью заглатывали свои собственные экскременты – все это может выпасть и на нашу долю, когда Гитлеру и его приспешникам придет неизбежный конец Бокельсона...» [13, с. 20–22].

По сути дела, Рек-Маллецевен в этих строках изложил кратко все содержание своего романа. Понятно, что текст его лишен прямых отсылок к нацистской действительности, однако, обыгрывая известные читателю ситуации из новейшей истории, писатель невольно заставляет читателя самого приходить к нужным выводам.

«Бокельсон» не вызвал какой-либо отрицательной критики, и тогда Рек-Маллецевен написал роман «Шарлотта Корде: История одного покушения» («Charlotte Corde: Geschichte eines Attentates», 1938), в котором продолжил ту же полемику, но уже на примере ненавистной ему Французской революции 1789 г., избрав в качестве протагониста Шарлотту Корде, убившую из политических побуждений Марата, который здесь выступает как прототип Гитлера, а поступок Корде – как некий сценарий возможного его устранения. Книга полна кричащих параллелей к временам нацизма и культа Гитлера: «Осенью 1793 года в революционный календарь вошел новый святой “Saint-Marat”, школьники обязаны были креститься, услышав его имя. Бюсты Марата красовались теперь в Конvente и во всех отделениях клуба якобинцев, его портрет висел в каждой школе. Возникла оживленно развивавшаяся индустрия, сконцентрировавшаяся на изготовлении портретов Марата, существовала еще... индустрия по изготовлению бюстов Марата...

Кофе теперь пили из чашек Марата, носили прически под Марата, брелоки под Марата, кольца в стиле Марата, броши, табакерки, крышки часов и даже часовые стрелки показывали его портрет, сморкались в ситцевые платки, на которых красовалось его лицо в ярко-красном яacobинском колпаке» [14, с. 78–79].

Антидемократический протест Рек-Маллецевена, определявшийся категорическим неприятием нацизма, вернее «гитлеризма» (так называл Ганс Гримм национал-социализм, «испорченный» привлечением в его ряды широких масс), совпал в ряде позиций с демократическим пониманием идеологии и политической практики нацистов. Однако этот протест развивался сам по себе, не входя ни в какое соприкосновение с протестными проявлениями демократов даже из тактических соображений. Протест в пустоту, протест без союзников, и, вероятно, потому надзорные органы не обратили на него никакого внимания, позволяя смертельно обиженному несостоявшемуся союзнику по борьбе выпускать пар, ибо на большее Рек-Маллецевен и его собратья из фёлькиш-национального лагеря были не способны, поэтому и не представляли особой опасности для партии. Правда, жизнь свою он закончил в 1945 г. в концлагере Дахау, но это уже другая история, не связанная с его творчеством.

Отдавая должное всем попыткам авторов «внутренней эмиграции» противостоять диктаторскому режиму нацистов, следует все же сказать, что все их протестные интенции, хотя и строились на гуманистических принципах, в основе своей содержали, за редким исключением, призыв к прошлому, к возвращению авторитарных, аристократически-феодалных сословных общественных отношений.

Литература

1. Hamm, P. Wille zur Ohnmacht : Ein Porträt des katholischen Schriftstellers Reinhold Schneider / P. Hamm // Die Zeit (Hamburg). 20.04.1984.
2. Mann, T. Zum 60. Geburtstag Ricarda Huchs / T. Mann // Gesammelte Werke. Bd. 1 : Altes und Neues. Kleine Prosa aus fünf Jahrzehnten. Berlin, 1955.
3. Huch, R. Römisches Reich Deutscher Nation / R. Huch. Berlin, 1934.
4. Thiel, R. Friedrich der Große. Charakterstudien zu einer Biographie. Zur 150. Wiederkehr seines Todestages am 17. August / R. Thiel // Das Innere Reich. 1936. H. 5.
5. Andres, S. Wir sind Utopia / S. Andres // Novellen und Erzählungen / S. Andres. München, 1962.
6. Hey, B. Der historische Roman / B. Hey // Nationalsozialismus und Exil : 1933–1945 / hrsg. von W. Haefs. München, 2009.
7. Bergengruen, W. Der Großtyran und das Gericht / W. Bergengruen. München, 1947.
8. Anonym. Neue Romane für den Weihnachtstisch / Anonym // Völkischer Beobachter. Nr. 341. 7.12.1935.
9. Schoeps, R. H. Literatur im Dritten Reich (1933–1945) / R. H. Schoeps. Berlin, 2000.
10. Фест, И. К. Гитлер : биография : в 2 т. Пермь, 1993. Т. 2.

11. Lennartz, F. Deutsche Schriftsteller des 20. Jahrhunderts im Spiegel der Kritik. Bd. 1–2 / F. Lennartz. Stuttgart, 1984.

12. Schnell, R. Dichtung in Finsternen Zeiten: Deutsche Literatur und Faschismus / R. Schnell. Reinbek bei Hamburg, 1998.

13. Reck-Malleczewen, F. Tagebuch eines Verzweifelten / F. Reck-Malleczewen. Berlin ; Bonn, 1981.

14. Reck-Malleczewen, F. Charlotte Corde / F. Reck-Malleczewen. Berlin, 1938.

3. А. Авдей

(Минск, Белорусский государственный университет)

MYTHISCH-PHANTASTISCHE WELT VON E. T. A. HOFFMANN IM SPIEGEL DER WERKE VON LEO PERUTZ

Es ist schwer zu sagen, wann die Forschung der Wirkungsgeschichte von Hoffmanns Werk begonnen hat, aber wie der kurze Überblick über die im Jahrbuch der E. T. A. Hoffmann-Gesellschaft veröffentlichten Beiträge vermitteln kann, geraten ins Blickfeld der Forscher die Autoren und Werke aus verschiedenen Jahrzehnten und Ländern. Man könnte hier nur einige exemplarisch nennen, um die Breite der Wirkung zu zeigen:

- ✓ M. Tietz. E. T. A. Hoffmann und Spanien (1980);
- ✓ V. Green-Gatzberg. E. T. A. Hoffmann in Dänemark (1982);
- ✓ A. Shikina. Die E. T. A. Hoffmann-Rezeption in Japan seit 1970 (1986);
- ✓ E. Nährlich-Slatewa. Die Rezeption E. T. A. Hoffmanns in Bulgarien (1998);
- ✓ A. Pohsner. Berglinger, Kreisler, Lemm... oder Wieviel Hoffmann ist es in Turgenjew? (1999);
- ✓ K. Volobuef. E. T. A. Hoffmann: «Urheber» der ersten brasilianischen Kurzgeschichten (2002);
- ✓ M. Suk Choe. E. T. A. Hoffmann in Korea (2005).

Der eine Zeit lang im deutschsprachigen Raum vergessene Hoffmann, wird im 20. Jahrhundert auch für die deutschen Autoren und Literaturwissenschaftler interessant [1]. Seine Prosa wird oft in Verbindung mit den Werken von Münchner und Prager Neuromantikern gebracht, besonders betont wird seine Bedeutung für die phantastische Literatur [2].

Leo Perutz gehört zu den erfolgreichen Autoren der Wiener Moderne, der wegen seiner jüdischen Familiengeschichte für lange Zeit in Vergessenheit geraten war und vor kurzem wieder entdeckt wurde. Wie E. T. A. Hoffmann konnte er nur seine Freizeit der Schriftstellerkunst widmen und war in seinem Beruf ziemlich erfolgreich. B. F. Cothran sieht weitere Parallelen in Biographien der beiden Autoren in dem, dass die beiden “in schwierigen Kriegszeiten, die